

«Ноющий зуб» истории¹ В.П. Лукьянин*

(Рецензия на книги: Медведев К.А., Медведев Р.А. *Неизвестный Сталин*. М.: Права человека, 2001; Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. *Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды*. Екатеринбург: УрО РАН, 2001).

Вы заметили, что в последние годы документальные повествования о том, «как это было на самом деле», заметно потеснили в кругу читательских предпочтений традиционную беллетристику?

А что, собственно, мы ищем, оглядываясь в прошлое? Стандартный ответ: «Правды!» — ровно ничего не разъясняет. Конечно, некоторая сумма новых фактов может поколебать, и даже сильно поколебать, сложившееся отношение к предмету, но «окончательной» правды все равно не сулит, потому что мир неисчерпаем в своей сложности, и вслед за новыми фактами впоследствии непременно обнаружатся новейшие, и свой окончательный суд история еще раз отложит на неопределенное время. К тому же смелые догадки, парадоксальные версии, сенсационные слухи, как правило, воздействуют на общественное мнение гораздо сильнее, нежели документально подтвержденная истина. Да и вообще — сознание наше, что ли, так устроено, а только мы, кажется, способны воспринимать лишь факты ожидаемые, к восприятию которых подготовлены заранее и темпераментом, и багажом прочитанного и усвоенного, и всем каждодневно пополняемым опытом пережитого.

Нет, не правду мы ищем в прошлом, а пытаемся связать концы с концами в этой неоднозначной и непоследовательной реальности, пытаемся встроить собственную жизнь в предощущаемый нами мировой порядок. И если в своем коловращении воспаленная мысль натывается на факт или событие, о которых чем больше известно, тем хуже они укладываются в искомый порядок, то она снова и снова возвращается к ним и никак не хочет от них отступиться — так против воли язык трогает ноющий зуб, усиливая боль.

Таким вот «ноющим зубом» истории (простите за некоторую вульгарность сравнения) воспринимается сегодня и фигура Сталина. После «оттепельной» полугласности и последовавших затем десятилетий глухого умолчания на российского читателя обрушился на-

* Лукьянин Валентин Петрович — критик, публицист, кандидат философских наук.

¹ Впервые опубликована в журнале «Урал», № 7 за 2002 г.

стоящий шквал сенсационных публикаций о бывшем вожде. С конца 80-х о Сталине успели написать едва ли не больше, чем за целую эпоху, когда он был объектом культа. Однако и этого оказалось мало — книги о нем одна за другой продолжают выходить по сей день.

Чем бы вы объяснили сегодняшний интерес к сталинской теме? Тем что не вымерли еще у нас «старые русские», которые ходят на митинги и демонстрации с портретами генералиссимуса? Да ведь не для них эти книги пишутся, они их и читать-то не станут. Или вы станете рассуждать о сложности и необъятности фигуры бывшего вождя — дескать, вскрыв очередной пласт информации, всякий раз обнаруживаешь под ним новые манящие глубины? Бросьте, никаких там особых глубин нет. Ну, что вам неизвестно о нем сегодня и что бы еще такое вам хотелось о нем узнать?

Нет, сознаем мы то или не осознаем — вовсе не Сталин нам интересен, это мы сами себе интересны. В частности, тем, что Сталин — явление именно нашей, российской истории, в лоне которой сформировались и мы с вами. Уже само это обстоятельство — повод для мучительных размышлений: что он для нас — трагическая случайность или закономерный итог пройденного ранее пути, окончательно преодоленная болезнь или врожденная патология, чреватая метастазами?

А вот еще загадка: оглядываясь вокруг себя, я, кажется, совсем не нахожу среди ближней родни и просто знакомых таких счастливиц, кто бы так или иначе не пострадал от произвола и насилия в сталинские годы; между тем едва ли не все главные события отечественной истории в минувшем веке, которыми мы продолжаем еще гордиться (а больше нам и гордиться-то особо нечем), тоже связаны если не напрямую со Сталиным, то, по крайней мере, с тем общественным порядком, который пусть и в своей костоломной манере, но именно он утвердил: индустриальная и военная мощь великой державы, успехи в образовании, науке, культуре и даже в спорте. То и другое — мое, но как одно с другим совместить?

Нынешние идеологи настойчиво убеждают нас, что мы живем сегодня в другой стране. Что ж, творцов этой формулы можно понять: она освобождает их от многих моральных проблем. Но Сталин отнюдь не отошел в область преданий вместе с породившей его эпохой (или вы будете настаивать, что эпоху породил он сам?), как не отошли в прошлое и «проклятые вопросы» тех лет. Так что живем мы все-таки все в той же стране, и сталинский способ мышления, сталинский подход к делу реже осознанно, а неосознанно — почти всегда присутствует, в качестве реального варианта, при об-

суждении этих вопросов. Сталкиваясь с проявлениями национального и регионального сепаратизма, разгильдяйством и некомпетентностью чиновников, своекорыстием собственников, провалами в экономике и социальной политике, бесцеремонностью «партнеров» по «глобализации», мы отчетливо или смутно, но осознаем, что нужны и, видимо, возможны иные решения, иная государственная политика. Но как только мы пытаемся сформулировать эти решения, а уж тем более реализовать, — сами же первые пугаемся, находя в нем признаки печально памятного стиля.

Нынче пик «десталинизации» явно остался позади: среди издающихся книг о бывшем вожде уже не встречаются более «страшилки» — в этом направлении путь пройден, кажется, «до упора». Не привлекают общественного внимания и новые попытки «дегероизации» былого кумира — и тут после «Сталиниады» Юрия Борева трудно сказать что-то свежее. Да и вообще на сталинской теме сенсации больше не сделаешь.

Но до сих пор остается неисчерпанной (пожалуй, даже еще и мало затронутой) тема мотивировки сталинских решений. Не морально-психологической мотивировки (не припомню, чтоб в этом плане кто-то из прошлых или нынешних его биографов смог предложить нечто иное, кроме досужих домыслов), а логики принятия решений, обусловленной обстоятельствами, вытекающей из социально-исторического контекста. Ведь он же тридцать лет огромным государством руководил! И не безуспешно: как отметил уже в 1959 г. его убежденный идейный оппонент У. Черчилль, «он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием».

Именно такой тематический срез сближает между собою две новые книги о Сталине, которые почти одновременно вышли из печати уже на исходе минувшего года — одна в Москве, другая в Екатеринбурге, — хотя и по способу постановки проблем, и по манере изложения они очень разные.

Впрочем, первая из них, книга известных историков и публицистов Жореса и Роя Медведевых «Неизвестный Сталин»¹ хоть и вышла в Москве, но некоторые очерки, ставшие теперь ее главами, печатались раньше в журнале «Урал» и в газете «Уральский рабочий», так что к Екатеринбургскому изданию она имеет прямое отношение.

Название книги Медведевых может вызвать у читателя сомнения: авторы почти не использовали «эксклюзивные», как сей-

¹ *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001.

час говорят, материалы. Основную часть информации они почерпнули из общедоступных российских изданий последних лет. Правда, к зарубежным изданиям (на английском и русском языках) они тоже обращались немало, но извлеченные оттуда сведения вполне согласуются со сведениями из отечественных источников, не меняя общую картину. Так на каком же основании Медведевы утверждают, что «их» Сталин — «неизвестный»?

У них самих есть разъяснение на этот счет, но, прежде чем его представить, хочу добавить один штрих от себя. В последнее десятилетие резко уменьшилась доступность общественных изданий. Из-за малых тиражей свежий номер иного журнала, рассчитанного на широкого читателя, достать бывает не проще (особенно у нас, в провинции), нежели какой-либо полиграфический раритет полуторавековой давности. Поэтому читатель, не занимавшийся специально поиском публикаций о Сталине, из книги Медведевых и на самом деле узнает много нового и неожиданного.

К примеру, кто сегодня не наслышан о конфликте Сталина с генералитетом в 1946–1947 гг.? Объясняют его обычно «ревностью» главнокомандующего к славе своих военачальников. На деле, оказывается, все было куда как прозаичней: Сталин возмутился, как деликатно выражаются авторы книги, «генеральскими увлечениями по вывозу в личную собственность трофейного имущества из Германии». Вагонами везли! Так что их наказания были заслуженными и, я бы даже сказал, щадящими. В мародерстве (назовем вещи своими именами) были уличены и некоторые прославленные полководцы, в том числе, увы, и любимец народа «маршал Победы»...

Думаю, немногим читателям известна и драматическая история уничтожения сталинского архива после его смерти (тем более что тут авторы использовали не только опубликованные материалы, но и свидетельства очевидцев, которые удалось записать самому Р.А. Медведеву). Можно понять «соратников», опасавшихся огласки каких-то своих неблагоприятных дел, но, оказывается, и сегодня архивные материалы о Сталине закрыты для исследователей — чем-то же они неудобны и поборникам демократии!

Так что книга заслуживала бы всяческого одобрения даже в том случае, если бы замысел ее сводился к простому суммированию подобных сведений из сотен источников. Тем более что Жорес и Рой Медведевы пишут не только доступно, но и увлекательно.

Но собирание фактического материала было для авторов лишь началом исследования, а цель его они видели в том, чтобы, опираясь на возможно более полную информацию, попытаться по-

нять Сталина как государственного деятеля. В том, собственно, и заключается своеобразие их замысла: ведь при жизни Сталина изображали только «гениальным вождем», а в постсоветской России — только кровавым диктатором и тираном. А в качестве деятеля, решающего ключевые проблемы жизни страны (чем сегодня как раз и интересен), он нам действительно практически неизвестен.

Книга построена точно в соответствии с замыслом. Правда, первая ее часть («Сталин после Сталина») — скорее о том, что к концу жизни и на протяжении полувека после смерти он сам по себе представлял трудноразрешимую проблему для правящей верхушки страны, но дальше («Сталин и ядерное оружие», «Сталин и наука») — это уже, так сказать, о его персональном вкладе в российскую историю. И в заключительной части — четыре очерка о доминантах личности «вождя», без ясного представления о которых едва ли можно было бы понять природу его безраздельной и жестокой власти над людьми.

Такая композиция книги дает очень предметное представление о пространстве темы, которая, по признанию самих же авторов (в предисловии), раскрыта далеко не полно. Но книга написана так, что работу мысли авторов непременно продолжит сам читатель на доступном ему материале.

Вторая книга, побудившая меня сесть за эти заметки, тематически продолжает книгу Медведевых, хотя генетически с ней не связана никак и написана в совершенно ином ключе. Называется она «Марксизм Иосифа Сталина», а написали ее известные на Урале ученые А.В. Гайда, К.Н. Любутин и С.В. Мошкин¹. Ее авторы пытаются разобраться в мировоззренческих основах деятельности Сталина в качестве лидера страны.

Уже сама такая постановка темы полемически заострена против популярного мифа о стране-концлагере, где вся жизнь протекала под воздействием страха и насилия, а поддерживали такой порядок только откровенные приспособленцы и лицемеры. Репрессивный характер сталинского режима авторы отнюдь не ставят под сомнение, но дело в том, что без массовой поддержки он не смог бы утвердиться. Какая-то значительная часть общества в его правомерность должна была искренне поверить, и Сталину удалось этого добиться. Он создал учение, в свете которого его собственная деятельность предстала как практическое воплощение стержневых процессов истории человечества, восходящего от дикости и рабства к вожделенному социализму. Кто-то ему поверил искренне, ко-

¹ Гайда А.В., Любутин К.Н., Мошкин С.В. Марксизм Иосифа Сталина: Философско-политологические этюды. Екатеринбург: УрО РАН, 2001.

му-то выгодно было поверить, но постепенно перед «великим и всепобеждающим» сталинизмом вынуждены были капитулировать все.

Что представлял собою сталинизм? На этот вопрос и пытаются ответить авторы книги. Они опираются при этом на широкий круг источников, отражающих перипетии идейной борьбы 20–30-х гг. В большинстве своем это издания, лишь сравнительно недавно извлеченные из спецхранов; нынешний читатель, если он не специалист по этим вопросам, как правило, просто не знает об их существовании. Авторы книги умеют отстраниться от старых и новых «парадигм», стремясь выявить в старых публикациях тот смысл, который закладывался в них и вычитывался в той обстановке, которую мы сегодня достаточно плохо себе представляем, потому что живых свидетелей ее уже практически нет, а ее реконструкции в изданиях и советского времени, и нынешних преднамеренно искажались. И вот теперь мы получили возможность шаг за шагом проследить, как рождались основные философские, экономические, политические идеи сталинского учения и как подавлялись, отсекались, выпалывались, вытаптывались ростки инакомыслия.

Тут я должен честно предупредить читателя, что екатеринбургские ученые адресовали свой труд по преимуществу специалистам; человеку же, не приученному к обильному цитированию источников, дошной аргументации, к отсылкам к именам, источникам, фактам, которые мало известны непосвященным, читать книгу будет трудно. Однако те, кто решится на такой труд, убедятся вслед за авторами, что «Сталин создал одну из российских версий марксизма, ревизионистскую по отношению к классическому марксизму, которая доводит до логического завершения то, что было заложено и обосновано Лениным».

Уже почти полвека прожили мы без Сталина и более десяти лет без марксизма в любой его ипостаси. Живем мы, увы, все в той же стране, но прежние проблемы пытаемся решать теперь по-другому: уже без «демократического централизма», зато на думском вече; без Гулага, зато с «маски-шоу» и с решетками на всех окнах; без колхозов, зато с «олигархами»; без «железного занавеса», зато в качестве сырьевого придатка; без цензуры, зато в нищете. И так далее. Много ли мы выиграли от таких перемен?

Еще совсем недавно за постановку такого вопроса можно было заработать ярлык «красно-коричневого», мечтающего о реставрации советских порядков. Сегодня этот вопрос подразумевает желание вдумчиво разобраться в том, как формировалась «советская цивилизация»: она сумела создать ценности, которые в условиях «демократии» мы начисто растеряли.